

Паламарчук Анастасия Андреевна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории
средних веков
Санкт-Петербургского государственного университета

Ключко Борис Игоревич

аспирант Санкт-Петербургского государственного
университета

СОВЕСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ И СУД КАНЦЛЕРА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Аннотация:

В статье рассматривается роль канцелярии как одного из ключевых судебно-административных институтов средневековой английской монархии. Анализируется характер правосудия канцлера, во многом определявшегося рецепцией в рамках института двух смежных, но не идентичных понятий – conscientia (совесть) и aequitas (справедливость), восходивших к правовой мысли Античности и классическому Средневековью. Приводится эволюция этих понятий в контексте формирования английского «права справедливости».

Ключевые слова:

суд совести, право справедливости, канцлер, канцлерский суд, средневековая монархия, римское право, средневековая Англия.

Palamarchuk Anastasia Andreevna

PhD in History,
Senior Lecturer,
Medieval History Department,
Saint Petersburg State University

Klyuchko Boris Igorevich

PhD student,
Saint Petersburg State University

CONSCIENCE, EQUITY AND CHANCERY COURT IN MEDIEVAL ENGLAND

Summary:

The article considers the role of chancery as a key legal administrative institution of the medieval English monarchy. The authors study the nature of the equity in many respects determined by two close, but not identical concepts – conscientia (conscience) and aequitas (equity) originated in Classical legal thought and developed through the Middle Ages. The evolution of these concepts in the context of development of the English 'rule of equity' is described.

Keywords:

court of conscience, equity, Chancellor, Court of Chancery, medieval monarchy, Roman law, medieval England.

Формирование представлений о «праве справедливости» как особой правовой системе Англии, отличной как от права гражданского, так и от права общего, неразрывно связано с эволюцией института канцелярии [1, р. 13–18]. Первоначально канцелярия представляла собой институт куриального администрирования, генетически связанного с curia regis (Большим королевским советом) нормандской династии и службой Большой королевской печати. В XIII столетии помимо широких куриально-административных полномочий канцелярия обладала судебной юрисдикцией над собственным штатом, а также в спорных ситуациях, затрагивавших деятельность самого института. В середине XIV в. начинается процесс трансформации канцелярии из института в один из первенствующих судов королевства [2, р. 791–793]. В указанный период в канцелярии постепенно допускается слушание тяжб лиц, не принадлежавших к штату ведомства. Основанием юрисдикции канцелярии в подобных случаях были должность и полномочия канцлера. Процедура разбирательства в корне отличалась от процедуры общего права: процесс инициировался подачей билля – прошения о рассмотрении жалобы ведомством канцлера. Билли имели неформальный характер и нередко подавались в устной форме. Решения канцлер выносил согласно «совести» или «справедливости» – понятиям близким, но не идентичным. Таким образом, изначальный куриально-административный характер канцелярии начиная с XIV столетия дополняется за счет судебной деятельности, а в XVI – начале XVII вв. данный судебный характер политизируется. И концепция «справедливости», и идея того, что канцлер в силу занимаемой им должности способен формировать право, восходили к классической римской юриспруденции. В классическом римском праве все гражданские дела могли рассматриваться согласно либо гражданскому, либо преторскому праву [3, р. 3–4]. Гражданское право воспринималось как право, применяющееся к гражданам города Рима; преторское право проистекало из юрисдикции претора, полномочия которого предполагали корректировку норм гражданского права (D.1.1.7) [4, с. 158]. В период принципата этот дуализм будет дополнен так называемым jus novum – совокупностью императорских конституций и исков extraordinem [5, с. 144–145]. Преторское право воспринималось как корректирующее по отношению к гражданскому. Подобная система, рассматриваемая

впоследствии английскими теоретиками, рождала ясные аналогии: *jus novum*, то есть право, формируемое императорской властью, отождествлялось с прерогативной юстицией, а право преторское – с судебными полномочиями канцлера.

В средневековой традиции характер судебных полномочий канцлера описывался с помощью двух понятий – «суд совести» (*conscience*) и «суд справедливости» (или «суд равенства») (*equity*), причем второе понятие (*equity*) вошло в употребление позднее, чем первое; именно термин «*equity*» преимущественно использовался для характеристики права канцлера как самостоятельной правовой системы. В историографии института канцелярии существует несколько подходов к трактовке названных терминов. Д. Клинк [6, р. 4–7] выделяет два: первый подход, представленный Дж. Бейкером [7], У. Дж. Джонсом [8] и Дж.Л. Бартоном [9], акцентирует внимание на переходе от «суда совести» к «суду справедливости». Подобный подход предполагает, что если в период Средневековья речь шла о личном правосудии канцлера, то в раннее Новое время персональный характер правосудия нивелируется за счет более общих принципов «справедливости». Второй подход, представленный в работах Д. Йейла [10], М.Л. Брауна [11] и Дж. Уайтта [12], описывает эволюцию самого понятия «совесть» прежде всего в конфессиональном аспекте.

Понятие *conscientia*, восходившее к аристотелевскому термину *sinderesis*, имело ряд смежных значений. В первом случае термин *conscientia* был синонимом слова «знание» и предполагал осведомленность в чем-либо. Во втором случае акцент делался на совместном характере этого знания (*con-scientia*) и означал совместное хранение неких сведений или секрета. Субъект оказывался в положении свидетеля по отношению к известным ему событиям или информации. Обладая этим знанием, субъект мог оценивать его в положительном или отрицательном ключе, то есть выступать в качестве судьи (*judex*) [13, р. 1–4]. Следовательно, в представлениях о *conscientia* изначально присутствовал и оттенок субъективности, и заметный «судебный» аспект. С другой стороны, в римском и в средневековом понимании *conscientia* не столько указывала на способность выносить оценочные суждения на основе веры или убеждения, сколько была связана со *знанием* и способностью им оперировать, а следовательно, относилась к иной области явлений нежели та, к которой относится «совесть» сегодня [14, р. 20, 41]. Средневековью не было чуждо и различие между «совестью» персональной (понимание человеком того, что есть грех, а что есть добродетель) и тем, как нарушения норм христианского социального поведения интерпретируются судом [15, р. 381]. Канцлер считался «хранителем королевской совести», в которой персональное и публичное измерения совпадали, а осуществлявшееся им правосудие воплощало не собственные воззрения канцлера, но королевскую *conscientia* (знание). Поэтому неудивительно, что в биллях канцелярии термин «совесть» появляется не ранее начала XV в. [16].

Римские представления об *aequitas* восходили к аристотелевскому термину *epieikeia*, предполагавшему необходимость адаптации универсального естественного права к конкретным социальным и политическим моделям. Подобный подход, как уже было сказано выше, использовался в классическом Риме, где преторское право интерпретировалось как корректирующее по отношению к праву гражданскому. Корректируя общие правовые нормы своими эдиктами, претор приводил их к большему соответствию благу общины. Понимание действий преторов как гармонизирующих было связано со становлением концепции *bona fides* [17, р. 49–51]. Это понятие, сформировавшееся в римской юриспруденции, имело объективное и субъективное измерение. В объективном смысле оно указывало на то, что общество ожидало от того или иного человека достойного и честного поведения в жизни и на судебном процессе. В субъективном же смысле оно указывало на убежденность самого человека в том, что он ведет себя достойно, справедливо и честно, его поступки верны и не наносят ущерба интересам других. Так, человек, которому в обоих смыслах была присуща *bona fides*, ожидаемым образом был способен воплощать в своих решениях *aequitas*. Уже в Дигестах (D. 1.1.1.) [18, р. 156] приводится мнение Цельса, определявшего право как искусство доброго и справедливого (*aequum et bonum*). Впоследствии *aequitas*, проявление которой определяется наличием *bona fidei*, сближается с традиционными римскими гражданскими добродетелями и отчетливым образом морализуется [19, р. 30–31]. В период христианизации Империи понимаемая таким образом *aequitas* предсказуемо начинала трактоваться как один из способов гармонизации *jus civile* с естественным правом, проистекающим от самого Творца. Однако *aequitas* античного Рима никогда не являлась самостоятельной правовой системой. Преторское право возникло вследствие необходимости корректировать *jus civile* и не мыслилось в отрыве от него. Теоретики средневековой Европы восприняли описанную выше морально-богословскую концепцию *aequitas*. Иоанн Солсберийский писал: «Суды Божии вечны, а его закон – справедливость (*aequitas*)» [20, р. 178]; Бальдо открыто воспроизводил античный стереотип: «Справедливость (*aequitas*) есть правильность суждения, согласующаяся с естественным разумом» [21, с. 9]. Кардинал Остийский придавал античной «моральной» концепции *aequitas* еще более осязаемый христианский оттенок, ставя его в один ряд с Божиим милосердием:

aequitas canonica носит духовный характер, ибо основана на Божественном откровении милости [22]. Подобное правосудие было призвано не только восстанавливать правильный порядок вещей, утраченный в результате преступления, но также оказывать исцеляющее воздействие на душу грешника [23, p. 86]. Божественное милосердие нелицеприятно и дается человеку вне зависимости от его статуса или рода занятий. Позднее данный тезис повлиял на концепцию равенства сторон в трибуналах, где aequitas считалась принципом совершения правосудия: «где справедливость (aequitas), там и равенство (aequalitas)» [24, p. 95].

Описанные модели восприятия conscientia и aequitas необходимо учитывать при рассмотрении конфликтных процессов, разворачивавшихся вокруг канцелярии уже в начале XVII столетия при Тюдорах и Стюартах.

Ссылки:

1. Tout T.F. Chapters in the Administrative History of Medieval England : in 6 vols. Vol.1. Manchester, 1929. 352 p.
2. Tucker P. The Early History of the Court of Chancery: A Comparative Study // English Historical Review. 2000. № 115. P. 791–811.
3. Zwalve W.J., Koops E. Introduction: The Equity Phenomenon // Law and Equity: Approaches in Roman and Common Law. Leiden, 2013. 215 p.
4. Памятники Римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. 608 с.
5. Гарридо М.Х.Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005. 811 с.
6. Klinck D.R. Conscience, Equity and the Court of Chancery in Early Modern England. Farnham, 2013. 319 p.
7. Baker J.H. An Introduction to English Legal History. Oxford, 2003. 650 p.
8. Jones W.J. The Elizabethan Court of Chancery. Oxford, 1967. 546 p.
9. Barton J.L. Equity in Medieval Common Law // Equity in World's Legal Systems. Brussels, 1973. P. 139–155.
10. Hake E. Epieikeia: A Dialogue on Equity in Three Parts. New Heaven, 1953. 179 p.
11. Brown M.L. Donne and the Politics of Conscience in Early Modern England. Leiden, 1995. 159 p.
12. Witte J.Jr. Law and Protestantism: The Legal Teaching of the Lutheran Reformation. Cambridge, 2002. 337 p.
13. Potts T.C. Conscience in Medieval Philosophy. Cambridge, 1980. 167 p.
14. Ibid.
15. Simpson A.W.B. A History of the Common Law of Contract: The Rise of the Action of Assumpsit. Oxford, 1975. 647 p.
16. Select cases in Chancery AD 1364 to 1471 / ed. by W.P. Baildon. London, 1896. 356 p.
17. Mousoukaris G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. Auckland, 2015. 325 p.
18. Памятники Римского права...
19. Falcon y Tella M.J. Equity and Law. Leiden, 2008. 308 p.
20. Joannis Saresberiensis Policraticus ... libri octo. Lugduni Batavorum, 1595. 606 p.
21. Horn N. Aequitas in den Lehren des Baldus. Köln ; Gratz, 1968. 244 s.
22. Lefebvre C. Hostiensis, maître de l'équité canonique // Ephemerides Juris Canonici. 1972. No. 28. P. 11–30.
23. Mousoukaris G. Op. cit. P. 86.
24. Horn N. Op. cit. P. 95.

References:

1. Tout, TF 1929, *Chapters in the Administrative History of Medieval England*, in 6 vols., vol.1, Manchester, p. 352.
2. Tucker, P 2000, 'The Early History of the Court of Chancery: A Comparative Study', *English Historical Review*, no. 115, pp. 791–811.
3. Zwalve, W.J & Koops, E 2013, 'Introduction: The Equity Phenomenon', *Law and Equity: Approaches in Roman and Common Law*, Leiden, p. 215.
4. *Monuments Roman law. Laws XII tables. Institutions Guy. Digesty Justinian* 1997, Moscow, p. 608.
5. Garrido, MH 2005, *Roman private law: incidents, claims, institutions*, Moscow, p. 811.
6. Klinck, DR 2013, *Conscience, Equity and the Court of Chancery in Early Modern England*, Farnham, p. 319.
7. Baker, JH 2003, *An Introduction to English legal History*, Oxford, p. 650.
8. Jones, WJ 1967, *The Elizabethan Court of Chancery*, Oxford, p. 546.
9. Barton, JL 1973 'Equity in Medieval Common Law', *Equity in World's Legal Systems*, Brussels, pp. 139–155.
10. Hake, E 1953, *Epieikeia: A Dialogue on Equity in Three Parts*, New Heaven, p. 179.
11. Brown, ML 1995, *Donne and the Politics of Conscience in Early Modern England*, Leiden, p. 159.
12. Witte, JJ 2002, *Law and Protestantism: The Legal Teaching of the Lutheran Reformation*, Cambridge, p. 337.
13. Potts, TC 1980, *Conscience in Medieval Philosophy*, Cambridge, p. 167.
14. Potts, TC 1980, *Conscience in Medieval Philosophy*, Cambridge, p. 167.
15. Simpson, AB 1975, *A History of the Common Law of Contract: The Rise of the Action of Assumpsit*, Oxford, p. 647.
16. Baildon, WP (ed.) 1896, *Select cases in Chancery AD 1364 to 1471*, London, p. 356.
17. Mousoukaris, G 2015, *Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition*, Auckland, p. 325.
18. *Monuments of Roman law. Laws XII tables. Institutions Guy. Digesty Justinian* 1997, Moscow, p. 608.
19. Falcon y Tella MJ, 2008, *Equity and Law*, Leiden, p. 308.
20. *Joannis Saresberiensis Policraticus ... libri octo. Lugduni Batavorum* 1595, p. 606.
21. Horn, N 1968, *Aequitas in den Lehren des Baldus*, Köln, Gratz, p. 244.
22. Lefebvre, C 1972, 'Hostiensis, maître de l'équité canonique', *Ephemerides Juris Canonici*, no. 28, pp. 11–30.
23. Baildon, WP (ed.) 1896, *Select cases in Chancery AD 1364 to 1471*, London, p. 356.
24. Falcon y Tella MJ, 2008, *Equity and Law*, Leiden, p. 308.